

Глава тридцать четвёртая

Чудо на всю жизнь

Встреча в тот вечер носила сугубо координационный характер: Ань Но, Юй Дай и Цинь Сяо собрались вместе, чтобы сверить информацию и обеспечить слаженность дальнейших действий. Юй Дай вынес из спальни ноутбук и протянул его Ань Но:

— Это точная копия твоего. Программную часть я переписал с нуля — при необходимости сможем выходить на видеосвязь. Удалённый доступ к этой машине есть только у меня и у Начальника Мо. И ещё: не нажимай Ctrl+B — это команда самоуничтожения.

Закончив инструктаж, он огласил пароль сетевого шлюза, сверил IP-адреса, установил скрытые соединения с ноутбуками Мо Ханя и Цинь Сяо. Оговорили время сеансов связи и ключи доступа — на этом техническая часть была исчерпана.

Совещание уже подходило к концу, когда Ань Но нерешительно открыл рот:

— Начальник Мо, есть одна вещь...

Юй Дай молниеносным движением потянулся к ноутбуку и чуть развернул его — так, чтобы объектив камеры смотрел в окно, — после чего щёлкнул мышью, отключив звук. Вся последовательность была выполнена с такой отточенной лёгкостью, что завершилась прежде, чем Ань Но успел моргнуть. Тот уставился на Юй Дая, лишившись дара речи, а тот расцвёл улыбкой — двусмысленной, почти неприличной — и тихо поинтересовался:

— Ань Но, ты и правда собираешься держать его при себе?

Ань Но опешил.

Юй Дай дождался тишины, стёр улыбку с лица и крепко сжал его плечо:

— Ань Но?

Тот кивнул и выдавил из себя, будто переламываясь через колено:

— Не беспокойся. Я не позволю себе этого.

На лице у него было написано всё, кроме спокойствия.

Юй Дай молчал, не отводя взгляда. Он действительно беспокоился — по-настоящему. С

первого дня в полицейской академии имя Ань Но сопровождало его как легенда: всплывало тут и там, окружённое почти мифическим ореолом, — и Юй Дай, не будучи знаком с первоисточником, питал к этому старшему по курсу самое искреннее восхищение. Позднее судьба свела их лично, и то восхищение улетучилось без следа, однако в глубине души он давно уже считал Ань Но самым близким человеком.

Ань Но смотрел, как на обычно беспечном, вечно ухмыляющемся лице Юй Дая проступает настоящая тревога, — и чувствовал тепло. Он помнил их первую встречу: пивной ларёк, кулаки, пять или шесть разбитых бутылок — и то, как, услышав имя «Ань Но», мальчишка менялся в лице: красный стал белым, белый — зелёным, зелёный — чёрным. Под конец он схватил Ань Но за грудки и взвыл: «Ты и есть Ань Но?! Какого чёрта именно ты — Ань Но?! Где справедливость в этом мире?!» А потом неотступно ходил за ним по пятам, не упуская ни одной возможности поддеть и высмеять — отчего по академии поползли слухи, что чувства Юй Дая к Ань Но «переродились из преклонения в любовь, а из любви — в ненависть».

Ань Но, впрочем, всегда знал правду: Юй Дай по-своему любит его, и именно так это у него и выражается. Взять хоть Цинь Сяо — тот для Юй Дая, по всей видимости, значил немало, однако при каждой встрече неизменно получал порцию яда, и Цинь Сяо упорно отказывался верить, что за этим что-то стоит. С Ся Цзинхуэем вышло то же самое: однажды Юй Дай случайно увидел в окно техотдела, как внизу из машины спецназа выпрыгивает Ся Цзинхуэй — в чёрном форменном комбинезоне, стремительный, с той непередаваемой выправкой, от которой перехватывает дыхание. Следующий год весь отдел полиции был убеждён, что Ся Цзинхуэй — главный раздражитель Юй Дая, — вплоть до той трагедии, когда Юй Дай едва не сломался.

Ань Но ущипнул его за щёки и с силой потянул:

— Ладно, раз ты сам всё понял — чего уж скрывать. Нравится он мне... Блин, я же согнулся так легко, без единой запинки — и скажи мне: это вообще нормально? — В его голосе зазвенело что-то беспомощное. Ань Но до сих пор находил в этой истории что-то абсурдное: когда-то слушал в песнях про «случайный взгляд в толпе» и морщился от слащавости, а сам зацепился взглядом раз пять, от силы шесть — и уже без возврата. Теперь не до насмешек. — Юй Дай, скажи: любовь и правда не поддаётся никакой логике?

Юй Дай снял его руки со своего лица:

— Ань Но, любовь — это всегда без логики. И ты никогда не был человеком, который живёт по правилам. — Он крепко сжал его ладонь. — Вот что я тебе скажу — забудь про погоны. Если ты его по-настоящему любишь: не упускай. Это как выиграть в лотерею — раз в жизни, уже чудо. Социальные нормы, препятствия, статус — всё это чушь собачья. Любите друг друга, никому не причиняете вреда — так живите и будьте счастливы, это важнее всего на свете.

Ань Но посмотрел поверх его плеча — и увидел Ся Цзинхуэя. Тот чуть улыбнулся и коротко, но весомо кивнул. Помолчал секунду и добавил:

— Берегите себя.

Ань Но несколько секунд молчал, потом тихо и обречённо произнёс:

— Сейчас всё слишком запутано. Тихая езда — долгий путь. Я не могу рисковать всей этой игрой.

Юй Дай собирался что-то ответить, но его телефон внезапно взорвался — номер Мо Ханя пульсировал на экране с нескрываемым раздражением. До Юй Дая запоздало дошло: он только что устроил «радиомолчание», и Мо Хань с Цинь Сяо несколько минут в полной тишине созерцали собственные шторы. Он бросился лихорадочно разворачивать ноутбук и включать микрофон — и тут же получил в уши поток начальственного гнева.

— Начальник Мо... — Юй Дай с раздражением понял, что вставить слово почти невозможно. — Начальник Мо, хватит ругаться, а то давление снова подскочит.

Цинь Сяо захихикал и поспешил разрядить обстановку:

— Ладно, Начальник Мо, не сердитесь. Юй Дай знает меру... Который час — давайте уже к делу!

Все четверо быстро доложили обстановку. На сегодняшний день Ань Но был самым успешным из всех внедрённых агентов; Мо Хань ставил его безопасность выше всего остального, и каждая деталь операции была проработана до мелочей, с расчётом на любую неожиданность. Юй Дай не сказал Мо Ханю, что Бай Ичэнь прямо сейчас находится у Ань Но дома, — и был уверен, что тот сам не догадается: «простой» Бай Ичэнь едва ли мог казаться кому-либо угрозой.

В три часа ночи, когда всё было согласовано, Ань Но бесшумно — по-кошачьи — скользнул обратно в свою комнату.

Бай Ичэнь послушно свернулся под тонким одеялом. За окном луна лила яркий свет, и он лежал в нём — точно задёнутый газом. Ань Но опустился на край дивана и смотрел на его профиль, не отрываясь, пока в голове снова и снова звучали слова Юй Дая: «Это как выиграть в лотерею — раз в жизни, уже чудо».

— Так ты и правда чудо? — одними губами спросил он и осторожно коснулся лба Бай Ичэня кончиками пальцев.

Поза была безукоризненно нейтральной: если тот вдруг проснётся, всегда можно с самым естественным видом сказать: «Хм, хорошо — температуры нет». Но если не проснётся — пальцы сами собой скользнут по чётким, красивым чертам лица, минуя крылья носа, губы, белоснежную шею.

Бай Ичэнь не проснулся. Никакой запас сил не устоит перед снотворным — тем более когда человек и без того болен.

Глядя на сладко спящего, ничего не подозревающего Бай Ичэня, Ань Но вдруг поймал себя на одной безрассудной мысли — и она тут же пустила корни, быстро и неудержимо, как ростки после дождя.

Я хочу обнять его.

Ань Но уже держал Бай Ичэня на руках — буквально сутки назад, когда нёс его в объятиях через приёмный покой больницы. Держал и тогда, когда тот был без сознания и без ничего. Но тогда тело Бай Ичэня пылало жаром, и все мысли Ань Но были об одном — как быстрее добраться до врача. Ничего лишнего, никакого осознания пола или близости — только тревога и сосредоточение воли. Он даже не мог вспомнить теперь, как выглядел Бай Ичэнь тогда, каково было держать его на руках.

Сейчас он хотел обнять его по-настоящему.

Ань Но встал, легонько потряс его за плечо — убедился, что тот крепко спит, — и подхватил его одной рукой под колени, другой под спину. Бай Ичэнь лежал у него на руках невесомо.

Слишком лёгкий. Острые позвонки давили в ладонь — Ань Но всё равно прижал его крепче.

Может быть, это последний раз в жизни. Может быть, им навсегда остаться по разные стороны. Может быть... может быть, можно позволить себе чуть-чуть надежды. Всё было неизвестно. Надежда всегда шла рядом с отчаянием.

Держа этого высокого молодого человека на руках, Ань Но прошёл в спальню, бережно опустил его на кровать, укрыл одеялом и — поколебавшись — всё же наклонился и поцеловал в лоб.

Без тени желания. Только нежность и жалость — как поцелуй старшего брата младшему на ночь.

В половине третьего ночи тьма стояла в полную силу.

Всё тело Чжэн Жуя — каждая мышца, каждая кость — кричало болью и усталостью; казалось, из него вытащили весь скелет. Нервы ещё дрожали в послеволне. Он взмок насквозь — даже волосы слиплись; простыня под ними пропиталась потом двух тел и неприятно липла к коже.

Хань Цзыфэй смотрел на него сверху вниз — на это лицо, которое почти всю жизнь было рядом.

Первая встреча врезалась в память навсегда: красивый мальчишка в школьной форме сбил его с ног, встал над ним и, сдвинув брови, бросил: «Ещё раз сунешься — размажу». Хань Цзыфэй едва не расхохотался: вид у парня был как у барчука из богатой семьи, а говорил хуже любого уличного хулигана. Не вышло ни ограбления, ни драки — только нескончаемая совместная жизнь, начавшаяся с того самого дня. Хань Цзыфэй узнал, что Чжэн Жуй не только не богач, но и судьба у него, пожалуй, горше его собственной. А Чжэн Жуй разглядел за уличным мальчишкой, промышлявшим мелким разбоем, голову, способную перевернуть всё вверх дном, — стоит только дать ему шанс.

Двое с совершенно разными путями и одинаково тяжёлым прошлым — вот так они и встретились. Но до любви было далеко: Чжэн Жуй долго не сдавался. В его жизненных планах не было места однополым чувствам; он хотел только покоя и простоты. А жизнь, которую выбрал Хань Цзыфэй, была другой — острой, опасной, пропитанной кровью. Чжэн Жуй не был уверен, что выдержит её.

Но, как сам Хань Цзыфэй говорил: кое-что предначертано. Судьба столкнула их — и Хань Цзыфэй забрал его раз и навсегда. Добивался он с жаром и без меры: копил деньги, чтобы отвести Чжэн Жуя в кино на лучший вечерний сеанс, а за две минуты до начала вскакивал перед огромным экраном и при полном зале объяснялся ему в любви. Три месяца мыл посуду в ресторане, тайком подсматривая за поваром, — потому что однажды Чжэн Жуй вскользя обмолвился, что в детстве ел рыбу-белку и вкус был незабываемый. Настоящей рыбы для этого блюда Хань Цзыфэй купить не мог — взял толстого карпа. Но тот вкус Чжэн Жуй помнил всю жизнь.

Когда они уехали из родных мест и осели в провинциальном городе на заработках, Хань Цзыфэй полгода откладывал каждый юань — и купил Чжэн Жую электромопед, потому что добираться на работу было «далеко»: целых пять остановок. Он пересекал полгорода посреди ночи с термосом в руке — просто чтобы посидеть рядом, сварить лапшу кипятником и заниматься любовью там, куда не доставали камеры. А когда они добрались до большого города и Чжэн Жуй загорелся открыть бар, всех сбережений не хватило — и Хань Цзыфэй усмехнулся: «Не беспокойся. В следующем месяце будут деньги». В следующем месяце он принёс двадцать тысяч и сказал, что это аванс от работодателя. Правды Чжэн Жуй не узнал никогда.

Однажды он спросил прямо: почему именно он? Разве нет других?

Хань Цзыфэй ответил с той же прямоотой: только ты. Без тебя моя жизнь не имеет никакого смысла. Ты моё чудо.

Чжэн Жуй хотел сказать то же самое. Хотел сказать: ты тоже моё чудо, и без тебя я пуст — так что живи. Просто живи.

Вместо этого он тихо произнёс:

— Цзыфэй... что будет с нами потом?

Хань Цзыфэй смотрел на него — взглядом, в котором можно было утонуть, — потом наклонился, поцеловал его долго и глубоко и прошептал прямо в ухо:

— А-Жуй, наше будущее... прекрасно.

В тот же момент на тумбочке ожил телефон — короткий, чистый звон. Хань Цзыфэй не взял его. Он уткнулся лицом в шею Чжэн Жуя, тихо покусывая кожу, и довольно сказал:

— А-Жуй, уже три.

Люй Цян получил сообщение в три часа пять минут ночи. Это была автоматическая отложенная отправка: если владелец телефона не отменит её, сообщение дойдёт до адресата в назначенное время.

Два слова: «Всё хорошо».

В принципе, можно было и не смотреть — Люй Цян заранее знал, что там будет именно это. Но введшаяся привычка к точности всё же заставила его приоткрыть один глаз и покоситься на экран.

Так и есть.

Он чуть скривил уголок рта:

— Хорошо.

«Хорошо» означало: раз всё прошло гладко, будить Лю Бо совершенно незачем.

Буди меня только с плохими новостями — это была присказка Наполеона. И рабочий принцип Лю Бо.

<http://bllate.org/book/18167/1753293>